

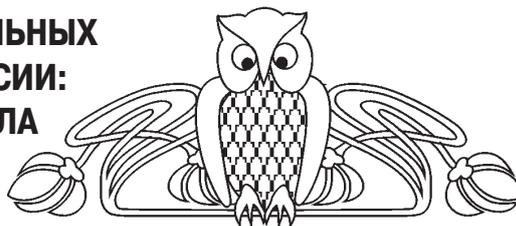

- ²⁸ Гуськов С. Походы и действия 70-го пехотного Рязжского полка в войну 1877–1878 гг. (воспоминания вольноопределяющегося). Люблин, 1909. С. 2.
- ²⁹ Шаховской Л. В. Указ. соч. С. 224–225.
- ³⁰ Там же. С. 302.
- ³¹ Там же. С. 19–21.
- ³² Там же. С. 306.
- ³³ Там же. С. 310.
- ³⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 31.
- ³⁵ Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 401. Война с Турцией вырвала многих офицеров из привычного состояния, в результате чего многие не сумели при-

способиться к новым жизненным реалиям: «Как вчера помню (слова В. П. Мещерского. – С.К.), сильное впечатление, которое на меня произвела картина одного из многих действий этой атмосферы на молодого офицера, еще недавно давшего своему имени ореол героизма. Я принялся его искать в Сан-Стефано между офицерами, чтобы его увидеть, ему поклониться, его послушать. И вот нахожу его жилище, стучусь в дверь, денщик открывает, впускает меня в комнату, и я застаю моего героя у окна с видом на море, с глазами, устремленными в даль, и с неизбежно содовой водой с коньяком под руками на столике» (Мещерский В. П. Воспоминания. С. 401).

УДК 94(47).083.4

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ПЕРВАЯ ФАЗА КОНСТИТУЦИОННОГО ЦИКЛА (декабрь 1904 года – август 1905 года)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье предпринята попытка исследования проблемы институционализации представительных органов Российской империи в процессе демократической трансформации общества в начале XX в. в контексте парадигмы конституционных циклов.

Ключевые слова: представительные органы власти, Государственная дума, конституционные циклы, Российская империя.

On the Establishment Representative Bodies of the Power of Imperial Russia: the First Phase of the Constitutional Cycle (December, 1904 – August, 1905)

Yu. V. Varfolomeev

In article attempt of research of a problem of an institutionalizing of representative bodies of the Russian Empire in the course of democratic transformation of a society at the beginning XX-th century in a context of a paradigm of the constitutional cycles.

Key words: power representative bodies, State Duma, constitutional cycles, Russian Empire.

Правление Николая II явилось заключительным этапом драматичных и противоречивых взаимоотношений власти и общества на закате императорской России, продемонстрировавшим модели их политического взаимодействия и отобразившим традиционные и революционные представления о месте и роли правящего класса, народа, общества, партий и парламента. В связи с тем что в течение нескольких столетий государство формировалось и функционировало под самодержавной властью русских царей, общество только следовало за ней, подчиняясь ее велениям и проявляя крайне незначительную самостоятель-

ность. При этом либеральные стремления, как правило, исходили сверху и плохо укоренялись в общественных нравах¹. С другой стороны, после отмены крепостного права социальная опора монархии стала сокращаться, так как «первою опорой престола всегда было дворянство, а не крестьянство»², – отмечал Б. Н. Чичерин. Этот процесс еще более усилился в начале XX в. с нарастанием либеральных и революционных настроений в стране.

Решающую роль в развитии Российского государства и формировании институтов демократии сыграло то, что в её истории не было высоких Средних веков, когда в западноевропейских государствах возникали и развивались парламента, муниципалитеты, университеты, независимые суды, т. е. самостоятельные интегральные правовые институты, послужившие основанием для формирования гражданского общества. В до-реформенном государственном строе России полностью отсутствовали элементы конституционной системы, которые возникли и развивались в государствах континентальной Европы и США, начиная с конца XVIII и весь XIX век. «Конституционализм как система постоянных правовых ограничений государственной власти России был неведом, – отмечает И. А. Кравец. – Юридически и фактически отсутствовали политические права и свободы, ибо не было конституции и общенационального представительного учреждения – парламента»³. Все это свидетельствовало о том, что Россия принадлежала к той категории государств, которые современные ученые называют «вотчинные» (*patrimonial*). Политическая власть в таких странах позиционируется и осуществляется как продолжение права собственности, и правитель

(или правители) является одновременно и сувереном государства и его собственником⁴.

Восшествие на престол последнего русского царя пробудило в широких слоях общества надежды на кардинальные перемены и смену политического курса Александра III. От нового императора, по словам В. А. Маклакова, ожидали «прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе»⁵. Однако молодой царь, вопреки ожиданиям российского общества, в речи перед депутациями от дворянства, земств и городов 17 января 1895 г. назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды на участие представителей земств в делах внутреннего управления, допустив при этом примечательную оговорку. В тексте речи, подготовленной для него К. П. Победоносцевым, говорилось не о «бессмысленности», а о «беспочвенности» подобных мечтаний. Невольной, но знаковой оговоркой Николай II как бы ставил точку в реализации проектов народного представительства, рожденных уходящим столетием.

Между тем, формулируя главную цель для России в новом веке, известный правовед и общественный деятель Б. Н. Чичерин, писал: «Россия должна пробудить в себе подъем народного духа, а это возможно сделать только полной переменой всей внутренней политики. Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе. <...> Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть изменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической. Рано или поздно, тем или другим путем это совершится, но это непременно будет, ибо это лежит на необходимости вещей. Сила событий неотразимо приведет к этому исходу. В этом состоит задача двадцатого столетия»⁶.

Необходимость перехода от абсолютизма (самодержавия) к правовому государству в России стала осознаваться еще в XVIII и особенно в XIX в., что нашло отражение в проектах политических и конституционных преобразований. При этом «Эволюция государственного строя России в XIX веке в значительной мере подготовила условия для введения конституционного строя, — считает И. А. Кравец. — Дальнейшее развитие российского государства по пути к конституционному строю во многом предопределялось способностью воспринять элементы монархической конституционной системы»⁷. На протяжении XIX столетия при участии монархов было подготовлено и обсуждалось несколько проектов введения в России народного представительства⁸, но, фактически, эта проблема была однозначно

поставлена и решена лишь на переломном этапе Первой русской революции.

В истории России Новейшего времени, по мнению А. Н. Медушевского, можно выделить три больших конституционных цикла⁹, которые «гораздо более информативны для раскрытия содержательных, качественных параметров конституционализма, — считает ученый. — Большой конституционный цикл может охватывать различный период времени, но непременно включает три основные фазы (некоторые из них могут быть только обозначены, в то время как другие получают гипертрофированное выражение)»¹⁰. Первый из российских больших циклов в XX в. связан с конституционной революцией 1905–1907 гг. и включает следующие фазы: «переход от абсолютизма к монархическому конституционализму (представлен движением от первых конституционных проектов до октроированного Манифеста 17 октября 1905 г.) и от него к режиму мнимого конституционализма (получившего противоречивое правовое выражение в Основных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г. и последующем законодательстве)»¹¹.

Несмотря на общую преемственность основных законодательных актов, в конституционной политике монархии этого времени, действительно, прослеживаются три основные фазы. Первая из них представляет собой начальную стадию разработки нового основного законодательства. На этом этапе власть стремилась сохранить в неизменном виде существовавший политический режим (самодержавие), придав ему новое правовое оформление. Общая концепция отношений народного представительства и монархической власти вполне укладывалась в ту традиционную схему, которая была намечена еще в проектах так называемого правительственного конституционализма XIX в., суть которых состояла в дополнении самодержавия совещательными учреждениями представительного или квазипредставительного характера.

Начало процесса реформ, или «конституционной революции», по мнению большинства исследователей, следует отсчитывать с 12 декабря 1904 г., когда Николай II подписал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»¹². В основу царского указа была положена либеральная программа, разработанная земским съездом¹³. Причем Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин обращают внимание на то, что при его подготовке были использованы многие не осуществленные в прошлом реформаторские проекты Н. Х. Бунге и М. Т. Лорис-Меликова, а также проект преобразования Сената с целью превращения его в оплот законности в империи, выдвинутый Д. Н. Замятниным в 60-х гг. XIX в.¹⁴ В указе были обещаны следующие кардинальные меры: устранение сословной обособленности крестьян, обеспечение законности управления, увеличение самостоятельности земского и городского

самоуправления, увеличение независимости суда, государственное страхование рабочих, пересмотр положения об усиленной и чрезвычайной охране, расширение религиозной свободы, пересмотр законов об инородцах, устранение излишних стеснений печати.

Несмотря на то что указ только обозначил контуры реформы и продекларировал ее необходимость, передовая общественность живо откликнулась на долгожданные и насущные нововведения. В еженедельнике «Право» указ был образно назван «...обвинительным актом, направленным против традиционной системы бюрократического управления, приведшей Россию к самому краю пропасти»¹⁵. Значение указа трудно переоценить – ведь им заканчивалась старая эпоха государственного управления и предуготовлялась новая. Таким образом, первым этапом реформ государственного управления в России следует считать период с 12 декабря 1904 г. (Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка») по август 1905 г. (Законы 6 августа 1905 г.).

Подготовка законопроектов по «усовершенствованию государственного порядка» возлагалась на Комитет министров под председательством С. Ю. Витте, который без излишней скромности, хотя и справедливо оценил себя «объективным экспертом либерального толка»¹⁶, заявив царю, что он, как составитель проекта указа, считает введение представительства своевременным, но обратил внимание самодержца на то, что это – первый шаг к «представительному образу правления», т. е. к конституции, и если царь готов на это со временем пойти, тогда пункт о представительстве должен остаться, если же нет – его следует вычеркнуть. Поблагодарив премьер-министра, Николай II заявил, что никогда на «представительный образ правления» не согласится¹⁷. Поэтому пункт о представительстве не попал в указ 12 декабря. Однако Р. Ш. Ганелин считает, что действительная роль Витте была несколько иной, так как он сам предложил монарху исключить этот пункт и тем самым сыграл решающую роль в окончательно утвержденной редакции¹⁸. Отсутствие пункта о представительстве в опубликованном указе вызвало возмущение в рядах земской оппозиции и подорвало доверие к Витте: «надо считать Витте виновным в том, что пропала возможность соглашения между государственной властью и земским либерализмом»¹⁹, – сформулировал обвинения в адрес премьера В. В. Леонтович.

В ходе первой конституционной революции 1905 г. возникло два основных конституционных проекта. Ведущая либеральная организация России – «Союз освобождения» – уже в самом начале революции выступила с проектом конституции²⁰. В качестве компромисса радикальных и умеренных взглядов в июле 1905 г. возник новый документ – проект С. А. Муромцева²¹, который стал теоретической и практической основой

последующего конституционного движения в России. Общий вектор процесса определялся как переход от абсолютизма к дуалистической конституционной монархии. При этом важнейшим инструментом политических реформ и условием перехода к правовому государству признавалась Государственная дума и установление ее контроля над правительством, что получило свое выражение в формуле «ответственное министерство».

Данная программа стала отправной точкой конституционных преобразований и оказала определенное влияние на основное законодательство периода т.н. Первой русской революции²². Следовательно, «Первая стадия цикла, которую следует принять за его отправную точку, есть ситуация изначальной стабильности традиционной системы (поскольку она находится в состоянии равновесия), – отмечает А. Н. Медушевский. – Конституционная система воспринимается как справедливая (легитимная), законная (в смысле соответствия позитивному праву) и эффективная (в смысле быстрого и четкого разрешения конфликтов). Иначе говоря, нет разрыва между естественно-правовым, нормативным и институциональным компонентами данной системы»²³.

В то же время уже на этапе подготовки реформы наметился конфликт между властью и либеральной оппозицией, так как предстояло ответить на главный вопрос: кем будет осуществлена реформа? «Российская бюрократия как самостоятельное социальное явление являлась основным проводником политики великих реформ Александра II и контрреформ Александра III, – отмечает И. А. Кравец. – В большинстве своем её представители, занимавшие должности на высшем уровне гражданской службы, социализировались в духе верности традиционным основам полицейского государства»²⁴. Тем не менее реформы XIX в. стали возможны благодаря появлению в российском чиновничестве талантливых и либерально настроенных бюрократов²⁵. Наряду с этим П. А. Зайончковский, изучивший социальную динамику чиновничества царской России, пришел к выводу, что процесс либерализации бюрократии затронул не только столицы, но и в ограниченном размере перекинулся в провинцию²⁶.

Но эти моменты были скорее исключением из правила, поэтому оппозиция небезосновательно считала, что «забронзовевшая» русская бюрократия, в основной своей массе, не в состоянии решить сложные и ответственные задачи и собственными силами справиться с тяжестью предстоящих реформ, несмотря на наличие в её рядах немалого количества способных и талантливых работников. В связи с этим земцы, например, считали необходимым привлечение к законодательной работе т.н. «общественного элемента», с которым и связывался успех намеченных преобразований. «Между нами не было никого, кто бы возлагал какие-либо надежды на указ 12 декабря и на реформаторские склонности и таланты председателя комитета

министров Витте и его сотрудников, между которыми не было ни одного лица, способного оторваться от бюрократических интересов и стать на широкую точку зрения коренной реформы, которая заменила бы самодержавное управление конституционным, при участии народного представительства, обладающего как законодательной, так и исполнительной властью»²⁷, – точно и жестко сформулировал позицию либеральной оппозиции И. И. Петрункевич. С ним солидаризовался, как ни странно, и голос из радикального лагеря, принадлежавший Льву Троцкому: «... между тем бюрократия-преобразовательница обнаруживает на каждом шагу свою полную беспомощность перед напором этих западных идей, заигрывает с ними и, так или иначе, сообразует с ними каждый свой шаг»²⁸.

Решение создать представительный орган совещательного характера было принято 18 февраля 1905 г., когда Николай II издал рескрипт предписывавший создание «особого совещания» под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина, на которого возлагалась обязанность для осуществления воли монарха «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»²⁹. Между тем, радикальная оппозиция, недовольно брюзжа, расценила меры, предпринятые властями, как «частичное отступление». «Кабинет гофмейстера Булыгина был не алхимической лабораторией, где творятся по свободному почину “самобытные” формы государственности, – ернически измышлял велеречивый лидер эсдеков Л. Д. Троцкий, – он был штаб-квартирой, где вожди правительственной реакции обсуждали план кампании, совещались о порядке частичного отступления с наименьшими жертвами и сохранением престижа»³⁰.

В рескрипте указывалось на «всю сложность и трудность проведения сего преобразования в жизнь при неперемennom условии сохранения незыблемости основных законов империи (самодержавия. – Ю. В.)»³¹, и с этого момента в МВД под руководством Булыгина началась подготовка соответствующих актов. 23 мая 1905 г. выработанные булыгинской комиссией «Соображения»³² поступили на рассмотрение совещания при Совете министров³³ у графа Д. М. Сольского³⁴, где с 26 мая по 28 июня проходило их обсуждение.

По итогам работы Совет министров выработал «Меморию по делу о порядке осуществления высочайших предубаждений, вознесенных в рескрипте 18 февраля 1905 г.»³⁵ и новую редакцию проекта учреждения Государственной думы³⁶. Затем по настоянию графа Сольского и под давлением либеральной общественности император согласился ускорить принятие проектов. Окончательно законопроекты были выработаны после обсуждения на специальном совещании, заседавшем в Новом Петергофе, в

резиденции царя в июле 1905 года³⁷. В этом совещании участвовали 5 великих князей и крупнейшие сановники империи: члены Государственного совета, Сената, Совета министров, обер-прокурор Синода, а также известный криминалист проф. Н. С. Таганцев и выдающийся историк В. О. Ключевский³⁸.

В окончательном виде Государственная дума как законосовещательное представительство получила правовое оформление в «виде образования при Государственном совете или наряду с ним особого, состоящего из избранных от населения лиц, законосовещательного учреждения, на предварительное обсуждение которого передавались бы законодательные предположения ведомств, восходящие через Государственный совет к Верховной власти императора»³⁹, и получила в дальнейшем название «булыгинская Дума». Таким образом, в проекте была подтверждена традиция доминирования в структуре органов правотворчества и управления восходящей линии власти к императору, т. е., по сути, воспроизводилась завуалированная парадигма самодержавной власти, и обосновывалась она тем, что «идея властного участия народа в делах верховного управления» чужда русскому народу, подавляющая масса которого проникнута верностью царю как «носителю всей полноты государственной власти»⁴⁰.

Сотрудник министерства внутренних дел С. Е. Крыжановский, будучи непосредственным составителем положения о выборной законосовещательной палате, отмечал, что «старался связаться с традицией и по возможности избежать упрека в копировании непригодных для России западных образцов»⁴¹, поэтому он и взял за образец проект учреждения Государственной думы, составленный почти сто лет тому назад М. М. Сперанским⁴². Очень точную и разностороннюю характеристику этому, фактически, «отцу русского парламента» дал известный царский сановник В. Ф. Джунковский: «... С. Е. Крыжановский, весьма талантливый, умный, бывший в то время товарищем министра внутренних дел и правой рукой Столыпина. <...> К сожалению, Крыжановский, будучи по уму на голову выше Столыпина, по нравственным своим качествам стоял неизмеримо ниже. Он пользовался часто некрасивыми приемами, компрометировавшими Столыпина»⁴³.

В «Соображениях» были также озвучены обоснования к реформированию Государственного совета в качестве второй законосовещательной палаты. «Наличность двух законосовещательных учреждений, – А. Г. Булыгин считал, – особенно полезною», так как они будут оказывать «одно на другое сдерживающее влияние и обеспечат всесторонность, обдуманность и спокойствие обсуждения законодательных предположений». В целом компетенцию Думы предполагалось определить по аналогии с законосовещательными функциями Государственного совета⁴⁴.

Совет министров, обсуждая булыгинский проект народного представительства, счел его отвечающим интересам «времени, переживаемого ныне Россией», и было признано, что он, обеспечивая совещательный характер представительства, способствует «охранению незыблемости Основных Законов»⁴⁵, другими словами, самодержавия. Правда, при обсуждении проекта в Совете министров в него были внесены изменения, в частности, предложение о назначении председателя Думы царем было единогласно отвергнуто как «знак недоверия» к Думе, который может возбудить «рознь» между ней и правительством. Таким образом, проект булыгинской Думы носил характер ограниченного реформаторства. К тому же рожденный в муках «булыгинский закон, которым его противники пугали, а сторонники прельщали царя, был безнадежно запоздалым», – считает Р. Ш. Ганелин, – так как. «требования широких оппозиционных кругов, претерпевая процесс значительной радикализации, давно и далеко оставили за собой ту меру уступок, которая была предметом»⁴⁶ спора на совещаниях в Петергофе и после него. «Вместе с тем, остается неопровержимым фактом, что именно проект Булыгина, впервые поставив под сомнение самодержавный образ правления в правовую плоскость, во многом предопределил направление и ход дальнейших реформ»⁴⁷, – справедливо отмечает И. А. Кравец.

Завершением первого этапа конституционной реформы, или «революции», как обозначает эти преобразования А. Н. Медушевский, стали правовые акты от 6 августа 1905 г.:

– Высочайший манифест об учреждении Государственной думы;

– статут об Учреждении Государственной думы;

– Положение о выборах в Государственную думу⁴⁸.

«Манифестом 6 августа 1905 года, – отмечал известный правовед сенатор Н. С. Таганцев, – закончился первый акт творения конституционной жизни России. <...> С этого момента начался новый фазис жизни России, причем сама эта жизнь как бы раздвоилась. Жизнь верхов, или верховной бюрократии, пошла по пути административно-законодательного творчества, а жизнь – так сказать – низов России, относя, однако, сюда и всю середину, т. е. общественную интеллигенцию, пошла по линии расширения запросов, ожидаемых и требуемых реформ и углубления беспорядков, волнений и забастовок всякого рода»⁴⁹.

Огромное политико-правовое и непреходящее историческое значение этой реформы, по мнению ведущих государствоведов Российской империи, таких как В. М. Гессен, М. Б. Горенберг, Н. И. Кареев, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский, Л. В. Шалланд, заключалось в том, что «введя в область верховного управления наряду с единодержавием власть, опирающуюся на народное избрание, она тем самым <...> пробрала

брешь в крепости, еще так недавно казавшейся неприступной...», и в качестве вывода ученые-правоведы констатировали: «по закону 6 августа Россия получила народное представительство»⁵⁰.

По распоряжению Николая II на Особое совещание под председательством Д. М. Сольского возлагалась также разработка правил о применении учреждения Думы и положения о выборах в нее. Работа этого совещания проходила по трем группам: «первая, которая и началась 19 августа <...> была посвящена рассмотрению предположений М. В. Д. (министра внутренних дел) Булыгина о введении в действие и применении учреждения Государственной Думы и положения о выборах, – вспоминал участник совещания сенатор Н. С. Таганцев; – вторая имела в виду распространение учреждения Думы на окраины – Польшу, Сибирь и Кавказ, а третья была посвящена выработке закона об объединении правительственной деятельности»⁵¹. Весьма полемичным при обсуждении оказался вопрос о руководстве выборами. А. Г. Булыгин, например, возражал, чтобы эта функция была возложена на его ведомство, и предлагал создать для этого специальный межведомственный комитет, но совещание, не прислушавшись к его разумным доводам, вменило это в обязанность Министерству внутренних дел.

Но, пожалуй, самое важное решение, которое было принято на совещании, касалось выработки проекта объединения деятельности отдельных министерств, что, по сути, явилось вторым важным шагом в реформировании государственного строя России. По свидетельству В. Н. Коковцова, инициатива этого проекта принадлежала графу С. Ю. Витте⁵². В то же время необходимость координации деятельности отдельных министерств признавал и сам Николай II⁵³, поэтому император поручил графу Сольскому в спешном порядке выработать проект правил о таком объединении и представить на его утверждение. Словосочетание «кабинет министров», употребленное в одной из записок товарищем государственного секретаря П. А. Харитоновым, после 7 сентября 1905 г. распространилось в бюрократическом мире реформаторов.

В идее объединения и усиления координации деятельности отдельных министерств советские историки увидели, с одной стороны, «стремление избежать разрыва с буржуазно-оппозиционными кругами, требования которых подвергались известной радикализации под непосредственным воздействием революционного подъема масс», а с другой стороны, как отмечает Р. Ш. Ганелин, обусловленные этим подъемом «тенденции со стороны консервативной части либеральных кругов к политическому компромиссу с самодержавием»⁵⁴. Между тем, не отрицая ни той ни другой уже отмеченной стороны этого процесса, следует, прежде всего, подчеркнуть его более важные аспекты – назревшую необходимость подобной

реорганизации и безусловную целесообразность создания «кабинета министров». Современный исследователь И. А. Кравец справедливо пишет: «...нельзя не видеть, что плодотворность деятельности Совета министров в условиях создания органа народного представительства зависела от объединения и консолидации усилий министров под руководством одного из них, формирования самостоятельного правительственного органа по отношению к создаваемой Государственной думе»⁵⁵.

По итогам работы Особого совещания под председательством Д. М. Сольского была разработана «Мемория Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил 19, 20 и 25 августа 1905 года». Несмотря на то что законы 6 августа на практике никогда не применялись, нельзя не отметить их историческое значение. В дальнейшем они, несомненно, облегчили императорской власти переход к конституции. По существу, как указывает В. В. Леонтович, ими были решены две проблемы: «создание народного представительства как постоянного учреждения и предоставление этому представительству права отклонять законопроекты и таким образом не позволять им приобретать исполнительную силу»⁵⁶. Реализация актов 6 августа 1905 г. должна была привести к признанию существования и деятельности политических партий, а также основных политических свобод, которые необходимы для проведения выборов народных представителей.

В заключение следует отметить, что основные документы, которые институционализировали так называемую булыгинскую Думу, несомненно, содержали «характерные черты квазиконституционной организации власти»⁵⁷, и хотя либерально-земской общественности на первом этапе реформ и не удалось поколебать неприятие императором и его ближайшим окружением идеи представительных органов власти, тем не менее, они по-прежнему придерживались легитимных средств в процессе демократической трансформации Российского государства. Один из лидеров этого движения, П. Н. Милюков, оценивая политическое значение закона 6 августа 1905 г. и его перспективы, уверенно констатировал: «перейден тот Рубикон, перед которым на полвека остановилась русская политическая борьба»⁵⁸.

Примечания

- 1 См.: *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия. 3-е изд. Берлин, 1901. С. 3.
- 2 *Чичерин Б. Н.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 62.
- 3 *Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. Новосибирск, 2006. С. 52.

- 4 См.: *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 3—15 ; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- 5 *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 131. Одним из пунктов этой т.н. «либеральной программы» являлась идея народного представительства.
- 6 Цит. по: От абсолютизма к демократии : Политическая жизнь капиталистической России (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 1991. С. 64.
- 7 *Кравец И. А.* Указ. соч. С. 53.
- 8 См.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М. ; Л., 1961 ; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы : Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 ; *Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990 ; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964 ; *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 145–51 ; *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978 ; *Щеголев П.* Из конституционных веяний 1879–1881 г. // Былое. 1906. № 12. С. 263–270 ; *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова* : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 161–64.
- 9 Малые конституционные циклы «вписываются в так называемый «закон маятника», представленный в российском контексте чередованием реформ и контрреформ на пути модернизации. Малые циклы отражают скорее формы саморегуляции политической системы, которые могут иметь внешнее сходство при различном качественном наполнении. (Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 276).
- 10 *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 276–277.
- 11 Там же. С. 277.
- 12 Собрание узаконений. 14 декабря 1904 г. № 189. Ст. 1916.
- 13 См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 395.
- 14 См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р. Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 годы // История СССР. 1991. № 2. С. 98.
- 15 Предстоящие реформы // Право. 1905. № 1. Стб. 2.
- 16 *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 334.
- 17 Там же. С. 335.
- 18 См.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 38.
- 19 *Леонтович В. В.* Указ. соч. С. 388.
- 20 Данный документ может рассматриваться как программа всего движения. Проект Основного закона был разработан двумя подразделениями Союза – Петербургским и Московским – в конце октября 1904 г. в связи с подготовкой к первому съезду земских деятелей. Он оказался в центре политической дискуссии на первом (ноябрь 1904 г.) и особенно на втором (апрель 1905 г.) общеземских съездах.
- 21 Конституционная модель С.А. Муромцева и Ф.Ф. Кошкина, положенная в основу проекта, была призвана не столько заменить существующие законы другими, сколько постепенно наполнить их новым содержанием.
- 22 См.: Российские либералы / под ред. Б. Итенберга и В. Шелохаева. М., 2001.

- ²³ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 455.
- ²⁴ Кравец И. А. Указ. соч. С. 52.
- ²⁵ К ним относятся братья либеральные министры и чиновники: Н. А. и Д. А. Милютины, А. В. Головин, В. А. Татаринов, «Отцы Судебной реформы» – С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, и др.
- ²⁶ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 190.
- ²⁷ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции : в 22 т. М., 1993. Т. 21–22. С. 369.
- ²⁸ Троицкий Л. Сочинения : в 12 т. М. ; Л., 1925. Т. 2, ч. 1. С. 143.
- ²⁹ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22–23.
- ³⁰ Троицкий Л. Указ. соч. С. 143.
- ³¹ Одновременно был издан указ, которым всем русским людям и организациям предоставлялось право «сообщать Государю свои предположения о желательных реформах государственного строя». Указ возложил на Совет министров «рассмотрение и обсуждение поступающих на имя Государя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Там же.
- ³² См.: Соображения министра внутренних дел о порядке осуществления Высочайших Его Императорского Величества преуказаний, возведенных в Рескрипте от 18 февраля 1905 года // Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905 г. СПб., б. г. С. 62.
- ³³ См.: Ганелин Р. Ш. «Совещание при Совете министров» 24 мая 1905 г. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987. С. 127–142.
- ³⁴ В начале своей деятельности (1870–80-е гг.) Д. М. Сольский был сподвижником М. Т. Лорис-Меликова и поддерживал его реформы, в том числе идею создания совещательного народного представительства. Таким образом, спустя 25 лет, он, приняв участие в подготовке правовых актов об учреждении Государственной думы, завершил начатое еще в эпоху Александра II дело государственного преобразования.
- ³⁵ Мемория Совета Министров по делу о порядке осуществления высочайших преуказаний, возведенных в рескрипте 18 февраля 1905 г. // Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905 г. СПб., б. г. С. 4.
- ³⁶ См.: Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905 г. СПб., б. г.
- ³⁷ Протоколы заседаний совещания, под личным Его Императорского Величества председательством, для обсуждения предначертаний, указанных в Высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 г., 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. СПб., б. г. С. 5–7.
- ³⁸ Подробно см.: Гальперин Г. Б. К вопросу об истории возникновения Государственной думы (Булыгинской думы) // Учен. зап. Ленингр. юрид. ин-та. 1939. Вып. 1. С. 44 и сл.
- ³⁹ Соображения министра внутренних дел... С. 71.
- ⁴⁰ Там же. С. 77–78.
- ⁴¹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 131.
- ⁴² См.: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 1905. В этом плане предусматривалось и создание Государственной думы.
- ⁴³ Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 59.
- ⁴⁴ Соображения министра внутренних дел... С. 77–78, 89.
- ⁴⁵ Мемория Совета Министров по делу о порядке осуществления высочайших преуказаний... С. 4.
- ⁴⁶ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 148.
- ⁴⁷ Кравец И. А. Указ. соч. С. 72.
- ⁴⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. Т. XXV, № 26656, № 26661, № 26662; см. также: Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 30–31; 32–39; 39–54.
- ⁴⁹ Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 47.
- ⁵⁰ Конституционное государство : сб. статей. СПб., 1905. С. V.
- ⁵¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 48.
- ⁵² См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 91.
- ⁵³ При этом в своих мемуарах В. Н. Коковцов ссылался на собственноручную записку царя, показанную ему графом Д. М. Сольским. В частности, в ней говорилось: «министры недостаточно объединены в их текущей работе, что это совершенно недопустимо теперь, когда предстоит в скором времени созыв Государственной Думы». Там же.
- ⁵⁴ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 195.
- ⁵⁵ Кравец И. А. Указ. соч. С. 74.
- ⁵⁶ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 427. Так, согласно ст. 49 Учреждения Государственной думы 6 августа 1905 г., законопроекты, представленные Думе каким-либо министром в случае отклонения большинством в две трети голосов как Думы, так и Государственного совета, не могли быть утверждены монархом и, следовательно, стать законом. В этом случае они возвращались к представившему их министру на дальнейшую доработку. «Эта статья, – по мнению И. А. Кравца, – представляла собой умеренное ограничение абсолютной власти монарха в области законодательства и от него было легче окончательно перейти к конституционному строю» (Кравец И. А. Указ. соч. С. 73).
- ⁵⁷ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 279.
- ⁵⁸ Миллюков П. Н. Воспоминания (1959–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 306.